

представлению. В ходе эксперимента была выявлена возможность визуализации абстрактных понятий (этот вопрос являлся спорным на сегодняшний день), причем визуализация детальная, позволяющая проводить анализ лингвокультурных феноменов, стоящих за исследуемыми вербальными единицами.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Nelson D. L. The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms [Электронный ресурс] / D.L. Nelson, C.L. McEvoy, and T.A. Schreiber. – South Florida, 1998. – URL: <http://www.usf.edu/Free Association.htm>

COMPARISON OF VISUAL AND VERBAL REPRESENTATIONS OF THE CONCEPT «BEAUTY»

M.V.Zimina

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod

Comparison of visual and verbal representations of concept Beauty let us find out the degree of intersection of different types of representation of this concept. We have revealed asymmetrical connection between graphic and verbal associations.

Key words: visual and verbal representation, association, concept, verbal units.

Об авторе:

ЗИМИНА Мария Викторовна – старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики Нижегородского государственного педагогического университета им. КозьмыМинина, *e-mail:* zimina2312@yandex.ru

УДК

МЕТАЯЗЫК НАИВНОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ЯЗЫКОМ: ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.О. Золотова

Тверской государственный университет, Тверь

Проблема метаязыка, которым пользуются его наивные пользователи в определенных ситуациях, рассматривается как предмет научного анализа в различных областях лингвистического знания. Особое внимание уделяется психолингвистическому подходу к рассмотрению метаязыка человека как особого механизма его речемыслительной деятельности, «работа» которого осуществляется с помощью единиц ядра метального лексикона.

Ключевые слова: метаязык, наивный носитель языка, ядро ментального лексикона, естественный метаязык человека.

Размышления о языке свойственны не только профессиональным лингвистам: наивный пользователь языка также думает о языковых явлениях и делает это довольно часто. Эксплуатация одного и того же свойства языка

– его метаязыковой функции, т.е. способности описывать самого себя, используется как исследователем – профессиональным лингвистом, так и наивным носителем языка. Зыбкость границ между «профессионалом» и «непрофессионалом» в языковой ситуации обусловлена тем, что и тот, и другой являются действующими языковыми субъектами, носителями одного языка и культуры. В то же время «рядовой» носитель языка и его языковое поведение представляют собой не что иное, как объект исследования лингвиста-профессионала. Подобная ситуация характерна для всего гуманитарного знания и связана с так называемым «парадоксом границы» (термин Лопе Гарсиа): «человек является и субъектом, и объектом в сфере гуманитарных исследований, граница между ними лишь функциональна и возникает в процессе деятельности, метакогнитивной по своей сути» [Кашкин 2002: 7].

Естественная близость позиций профессионального лингвиста и наивного пользователя языком нередко приводит к их смешению, что можно наблюдать в научных концепциях, например, «лингвистической теории словарного слова» (R. Hudson), которая носит «отпечатки» впечатлений, оставленных привычным обращением со словарем на бумажном носителе. В традиционных печатных словарях четко разделен «собственно словарь», состоящий из списка отдельных лексических статей, и «грамматический справочник». Частое общение с этими изданиями формирует у обычных людей представление, что язык именно так и устроен [Медведева 1998]. Этого, видимо, не избегают и лингвисты: воспитанный в обществе, пользующемся печатными словарями, ученый-лингвист не может не впитать эти представления на уровне бытового сознания, и в этом смысле он похож на обычного пользователя. На это же обращает внимание и Н.Д. Арутюнова, отмечая известный параллелизм в подходах к языку людей, искушенных в анализе своего предмета, и просто говорящих и пишущих [Арутюнова 2000: 8].

Таким образом, наивный пользователь языка «позволяет себе» высказывания о предмете пользования и даже «шаманство» с помощью этого предмета [Кашкин 2002: 8]. Подобная языковая деятельность обычного человека носит рефлексивный характер и отражает его обыденное сознание, что позволяет говорить об обыденном метаязыковом сознании индивида.

Вопросы метаязыкового сознания рядовых носителей языка и, соответственно, того, что принято называть наивной или обыденной, фолк лингвистикой и наивной философией языка, продолжают интересовать исследователей и сегодня, хотя наблюдения над осознанной рефлексивной деятельностью обычных людей издавна привлекали языковедов разных лингвистических школ и направлений.

Описание предмета «лингвистики метаязыкового сознания» и обоснование его выделения из «широкой сферы языковой экзистенции»

предпринято Н.Д. Голевым, который видит его в изучении «форм активной рефлексии», отраженной в обыденном сознании индивида и представленной в достаточно широком диапазоне: от спонтанных высказываний о языке и его элементах, отношениях, свойствах и т.п. до достаточно объемного, иногда и глубокого теоретизирования по этому поводу (хотя нередко с различными уклонами в сторону мифологического мышления) [Голев 2008: 7].

В работе [Ростова 2008: 48] приводятся данные о формальном варьировании термина, обозначающего обсуждаемый феномен при идентичном его наполнении: «языковое самосознание» (С.Е. Никитина), «металингвистическая рефлексия» (И.А. Петухова, В.Ю. Шишкина), «аттитюды говорящих к языку» (М. Вингерден). Отмечается содержательное отличие понятия «блог», введенного В.Б. Кашкиным для обозначения представлений о языке наивных пользователей в письменной форме изложения. В качестве единицы анализа метаязыкового сознания человека предлагается понятие рефлексива, под которым подразумевается относительно законченное метаязыковое высказывание, содержащее комментарий к употребляемому слову или выражению [Вепрева 2005].

Интерес к рефлексивам находит свое выражение в таких областях исследования, как диалектология, в которой принято иметь дело с «метатекстами» диалектоносителей, т.е. с «высказываниями суждений говорящих о своём языке, зафиксированных в графической, аудио- или видеозаписи» [Блинова 2008: 13]. Среди других источников материала для изучения метаязыкового сознания, в частности носителей русского языка, называют: Интернет, тексты СМИ, письма и тексты естественной письменной речи (рефераты, конспекты, работы на ЕГЭ, материалы дискуссий об орфографии и др.). Иные сферы изучения актуализации метаязыкового сознания рядовых носителей языка – образование (прежде всего школьное) и языковое строительство (например, орфографические реформы) [Голев 2008: 8]. Обозначенные направления исследований сформулированы, прежде всего, в отношении русского метаязыкового сознания, тем не менее, представляется возможным распространить большую часть из перечисленных ориентаций на обыденное метаязыковое сознание пользователя любого языка, независимо от этнической принадлежности.

Еще одним ценным аспектом изучения метаязыкового сознания рядовых носителей языка и культуры является область изучения социально-психологических ориентаций человека в современном мире. Языковая рефлексия носителей культуры, рассматриваемая И.Т. Вепревой как «ословление» мира, обостряется в периоды интенсивных процессов в обществе (например, постсоветский период). Высказывания-рефлексивы погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое поло-

жение вещей. Рефлективы отражают, кроме всего прочего, эволюцию ценностной системы языковой личности, что позволяет говорить об их вторичной функции, а именно социально-оценочной [Вепрева 2005]. Таким образом, метаязыковые высказывания дают возможность охарактеризовать психологическое состояние общества на данный момент, его социокультурные настроения [там же].

Особый интерес для исследований в контексте обсуждаемого феномена представляет рефлексия детей о языковых явлениях. Высказывания ребенка, содержащие размышления о языке и речи, попадают в число наиболее обсуждаемых проблем в онтолингвистике, или лингвистике детской речи, пользующейся лингвистическими методами анализа, и собственно психолингвистике, в частности психолингвистических исследованиях онтогенеза.

Еще И.М. Сеченов выделял особую форму умственной деятельности, возникающую уже в раннем детстве: так называемое *толкование явлений* [Сеченов 2001: 299]. Эта форма психической деятельности, по мнению ученого, всегда служила главным основанием для признания в человеке деятельного начала – ума как истолкователя фактов [там же]. Интеллектуальное развитие ребенка происходит вместе с процессом усвоения языка, которым ребенок овладевает в целом к трехлетнему возрасту. В это же время формируются первые метаязыковые навыки, проявляющиеся в размышлении над языковыми фактами, что часто отражается в детском словотворчестве. В свое время К.И. Чуковскому удалось привлечь внимание соотечественников к этому удивительному феномену благодаря опубликованной книге «От двух до пяти», претерпевшей несколько изданий. Само развитие ребенка ставится Р.О. Якобсоном в зависимость от его «способности вырабатывать в себе метаязык, то есть сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке» [Якобсон 1985: 316].

Цель исследования детской речи заключается не только в том, чтобы выявить структуру ее самой, но и в том, чтобы узнать, что думает ребенок о своей и чужой языковой деятельности, т.е. выяснить, способен ли ребенок к рефлексии над языком и речью. Наблюдения над фактами языка и высказывания по этому поводу в дошкольном возрасте носят яркий творческий характер и отражают становление языковой личности. Регистрируя яркие примеры проявления метаязыковых способностей детей этого возраста, исследователи детской речи отмечают, что не все наблюдения над устройством языковой системы вербализуются: осознание маленькими детьми языка и речи происходит на уровне автоматического неосознанного контроля и регулирования ребенком своей речи, например, уже в возрасте полутора лет ребенок приходит к осознанию (на «скрытом» уровне) того, что все предметы имеют имена, позднее формируется осознание нормы как на фонетическом, так и на грамматиче-

ском уровне, осознание экспрессивной функции языка и т.п. Интересны размышления детей над лексическими значениями слов: дети часто задают вопросы о значении непонятных слов, они также сами дают толкования значений слов самостоятельно, или когда их просят взрослые, или когда это необходимо для осуществления успешной коммуникации [Швец 2000: 101-102]. В целом метаязыковая деятельность ребенка в раннем возрасте, по наблюдениям В.М. Швеца, включает следующие компоненты: комментарии своих высказываний в соответствии с особенностями коммуникативной ситуации, контроль за своей и чужой речевой деятельностью, оценку своих знаний языка, рефлексии над языковым материалом [там же: 103].

Обобщая известные факты, зафиксированные в ходе наблюдений над детской речью, Р.М. Фрумкина отмечает что, например, уже в четыре года дети в разговорах с двухлетними пользуются более короткими словами, чем в разговорах со сверстниками или взрослыми, что может свидетельствовать о способности уже в этом возрасте чувствовать, насколько удачно они общаются [Фрумкина 200: 119]. Примеры слов лексикона трехлетней дочери американского ученого Д. Слобина (*сказать, говорить, называть, слово, означать*) красноречиво свидетельствуют о способности ребенка весьма рано занять позицию «наблюдателя» по отношению к ситуации общения и использованию речи. Р.М. Фрумкина делает вывод, что маленькие дети значительно менее «эгоцентричны», чем полагал Ж. Пиаже, который подчеркивал, что до определенного возраста ребенок преимущественно адресует свою речь самому себе [там же].

Характеризуя метаязыковую способность детей с точки зрения отечественной онтолингвистики, И.Г. Овчинникова отмечает вторичность кода и оценку как своей речи, так и устройства языка [Овчинникова [http](http://)]. Признаком формирования метаязыковой компетенции выступают высказывания, касающиеся фактов языка. К таким высказываниям одни исследователи относят детские инновации, объясняемые самими детьми (С.Н. Цейтлин, Н.И. Лепская, Т.В. Базжина), другие – только высказывания на метаязыке (А.М. Шахнарович). Соответственно, колеблется и возраст проявления метаязыковой компетенции – от 2-3 лет в первом случае до 7 лет во втором [там же]. В школьном возрасте, с началом обучения ребенка чтению и письму, а затем и иностранному языку сознательное отношение к закономерностям языка и речи выступает на первый план.

Процесс развития языковой личности продолжается вместе с интеллектуальным ростом, одним из важных показателей которого выступает наличие когнитивного контроля над работой собственного ума. Психологической основой регулирующих эффектов в работе интеллекта являются, по мнению М.А. Холодной, особые ментальные структуры, образующие метакогнитивный опыт человека. Их основное назначение – оп-

ределять, где, когда и как будут использоваться наличные индивидуальные интеллектуальные ресурсы [Холодная 2002: 127]. Когнитивные контроли (когнитивные стили) имеют отношение к сформированности механизмов метакогнитивной регуляции интеллектуальной деятельности. Непроизвольный контроль организует и координирует работу базовых познавательных процессов, а также ограничивает влияние аффективных и мотивационных состояний на процесс построения познавательного образа. В ряд основных психологических индикаторов сформированности метакогнитивных структур опыта, лежащих в основе произвольного интеллектуального контроля, входит способность выбирать стратегию собственного обучения и модифицировать ее под влиянием новых требований и с учетом своих интеллектуальных возможностей. Весьма ценной представляется мысль М.А. Холодной о том, что жизнь и другие люди, конечно, учат многому. Однако вопрос заключается в том, что эти уроки могут оказаться бесполезными, если они не сочетаются со способностью человека к произвольному самообучению [Холодная 200: 128-131].

Таким образом, с точки зрения теории интеллекта, формирование метаязыковых способностей ребенка находится в зависимости от уровня его когнитивного развития, в частности от специфики протекания метакогнитивных процессов, отвечающих за управление ходом текущей и планируемой интеллектуальной деятельности.

В контексте психолингвистических исследований, связанных с вопросами овладения родным и вторым (иностраным) языком, проблема метаязыка занимает важное место. С психолингвистической точки зрения метаязык, которым пользуется человек в речемыслительной деятельности, рассматривается как особый механизм, роль которого в становлении и функционировании «живого» человеческого языка акцентировалась Н.И. Жинкиным. По мнению ученого, живой человеческий язык не фиксирован. Посредством ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний. Это достигается благодаря особому механизму – механизму метаязыка, который работает как пульс, в каждом языковом акте [Жинкин 1998: 148].

Развитие языка ребенка ставится Р.О. Якобсоном в зависимость от его способности вырабатывать в себе метаязык, то есть сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке [Якобсон 1985: 116]. Другими словами, ребенок, осваивая язык, прибегает к метаязыковой и метакогнитивной деятельности, при этом происходит переживание понятого, которое фиксируется в специфических мозговых кодах, но не всегда доступно для вербализации. Полученные при этом продукты носят *функциональный* характер, связаны со знаниями процедурного типа и выполняют роль деятельностных ориентиров в процессах говорения и

понимания речи ребенком, который вырабатывает их «для себя», в своих индивидуальных кодах и использует на разных уровнях осознанности. Эти свойства функциональных ориентиров оказываются удобными и эффективными для пользующегося ими индивида, но в то же время трудно соотносимыми с вербальными формулировками прескриптивных правил и с лингвистическими терминами при школьном обучении родному языку, поскольку последние связаны со знанием качественно иного – декларативного типа. Взрослый человек, успешно окончивший школу и не являющийся лингвистом, продолжает пользоваться не столько заученными правилами, сколько функциональными ориентирами разных видов, успешно справляясь со многими проблемами взаимопонимания при общении, но испытывая трудности, когда требуется установить или объяснить, как и почему правильно говорить и писать нужно так, а не иначе (см. подробно об этом: [Залевская 1991]).

Представляется, что ведущее место в наборе функциональных ориентиров (опор) пользователя языком занимают единицы ядра лексикона как первично усвоенные и связанные с процедурным знанием [Золотова 2005]. Очевидно, этого достаточно для установления факта понимания (и взаимопонимания при общении). Добавим, что метаязыковая деятельность рядового носителя языка в норме протекает в скрытых как от исследователя, так и от самого человека формах и эксплицируется в ситуациях затруднений при общении или экспериментальных ситуациях.

Психолингвистические эксперименты с использованием методики субъективного дефинирования предоставляют наглядный фактический материал «первичной рефлексии» (А.А. Залевская) испытуемых в форме «ненаучных» дефиниций как результат попытки разъяснить значение предъявленного стимула «для себя» и/или «для других». Ключевыми опорами в «наивных» толкованиях, по нашим многолетним наблюдениям, выступают единицы ядра ментального лексикона человека, такие, например, как *человек* и др. Этот факт позволил нам сформулировать психолингвистическую концепцию естественного метаязыка человека, в роли единиц которого выступают слова ядра его ментального лексикона в силу своих специфических характеристик [Золотова 2005 и др.].

Некоторые наблюдения над обсуждаемым феноменом осуществлялись с опорой на ряд ассоциативных словарей и тезаурусов, в том числе и на практическую часть работы А.Д. Палкина [Палкин 2004]. В самом названии словаря детских высказываний А.Д. Палкина «Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей» обозначена позиция наблюдателя – русскоязычного ребенка, с точки зрения которого даются разъяснения широкоупотребительных слов в форме зафиксированных метатекстов. По признанию автора словаря, его испытуемые – дети 11 – 12 лет – употребляли слово *человек* практически **в каждой** словарной статье (выделено нами – Н.З.) [Там же: 352].

Например, на стимул БАБУШКА дети дают следующие субъективные дефиниции: *человек*, который родил папу и маму; *человек*, увидевший многое за свою жизнь; *старый человек* женского пола; это *человек*, который меня сильно любит; *человек*, который воспитал дочь, и у нее родился сын; *родной человек*, который всегда поможет; это *человек*, который тебя воспитал; это *пожилой человек*, который является родственником; *человек*, имеющий внуков, детей и заботящийся о них; тот (*человек*), кто все время что-то покупает мне и т.п.

Стимул БОГ толкуется следующим образом: не *человек*; *человек*, которому все люди поклоняются; это *человек*, сотворивший мир; *человек*, который главнее всех нас; бессмертный библейский *человек*; это *человек*, который на земле самый главный; святой *человек*; идеал *человека*; это умерший *человек*, который в чем-то прославился; это *человек* или кто еще на том свете и т.п.

Материалы ассоциативных экспериментов дают основание утверждать, что метаязыковая деятельность «обычного» человека в отличие от метаязыковой деятельности лингвиста-исследователя, имеющего дело с вербализованными продуктами понимания, является условием естественной (спонтанной) работы речемыслительных механизмов, обеспечивающих автоматизм оперирования языком.

Таким образом, метаязык наивного носителя языка изучается в русле разных научных подходов, подтверждая актуальность проблемы «языка в человеке» и «человека в языке».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Введение. Наивные размышления о наивной картине языка / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке: Сб. статей. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 7-19.
2. Блинова О.И. Обыденное метаязыковое сознание как источник лингвистической информации (на материале диалектной мотивологии) / О.И. Блинова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Сб. науч. труд. – Кемерово – Барнаул: Кемеров. гос. ун-т, 2008. – С. 13-18.
3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – М.: Олма Пресс, 2005. – 384 с.
4. Голев Н.Д. Орфографоцентризм как презумпция русского обыденного метаязыкового сознания / Н.Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Сб. науч. труд. – Кемерово – Барнаул: Кемеров. гос. ун-т, 2008. – С. 19-28.
5. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. Избранные труды. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 146-162.
6. Залевская А.А. Вопросы теории обучения иностранным языкам / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. – 48 с.
7. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография / Н.О. Золотова. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 204 с.
8. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В.Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: Воронеж. гос. тех. ун-т, 2002. – С. 4-34.

9. Медведева И.Л. «Знание» слов и понимание текста / И.Л. Медведева // Залевская А.А., Каминская Э.В., Медведева И.Л., Рафикова Н.В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. – С. 143-176.
10. Овчинникова И.Г. Что такое метаязыковая способность [Электронный ресурс] – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_139
11. Палкин А.Д. Возрастная психолингвистика: Толковый словарь глазами детей / А.Д. Палкин. – М.: НОУ МЭЛИ, 2004. – 360 с.
12. Сеченов И.М. Элементы мысли / И.М. Сеченов // Элементы мысли. – СПб: Питер, 2001. – С. 209-355.
13. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Изд. Центр «Академия», 2001. – 320 с.
14. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
15. Швец В.М. О метаязыковой деятельности в раннем возрасте / В.М. Швец // Психолингвистика и проблемы детской речи – 2000: Мат-лы Российской научн. конф.. – Череповец: ЧГУ, 2000. – С. 101-103.
16. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация / Р.О. Якобсон // Избранные работы / Под. ред. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.

NAÏVE LANGUAGE SPEAKER'S METALANGUAGE: INVESTIGATION FIELDS

N.O.Zolotova

Tver State University, Tver

The problem of metalanguage used by naïve speakers in certain situations is viewed as a subject of scientific analysis in different fields of linguistic knowledge. Special attention is paid to psychoanalytical approach to metalanguage as a special mechanism of a man's mental activities, its work provided by the units of the core of mental lexicon.

Key words: *metalanguage, naïve speaker, the core of mental lexicon, a man's natural metalanguage.*

Об авторе:

ЗОЛОТОВА Наталия Октябровна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка Тверского государственного университета, *e-mail*: sapogovskaya@mail.ru.

УДК 42:8

ИСТОЧНИКИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Н.В. Колесова

Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева, Красноярск

В статье рассматриваются особенности функционирования прецедентных текстов, их источники, роль и художественное задание в тексте, анализируются способы реализации прецедентных единиц на материале романа Дж. Барнса «История мира